

УДК 39(571.1)

Н.Н. Головченко

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОИСКА АНАЛОГИЙ ПРЕДМЕТНОМУ КОМПЛЕКСУ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению перспектив привлечения аналогий предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа из письменных источников различного происхождения. Автор приходит к выводу, что от костюма кочевников степей Евразии второй половины I тыс. до н. э. сохранилась масса археологических свидетельств, донесших до нас его облик, стиль, фасон и декор. Имеющиеся источники, с учетом региональной специфики, можно экстраполировать на все культуры так называемого «скифо-сакского культурного ареала», и на этом фоне письменные источники являются лишь подспорьем, создающим некий общекультурный контекст. Имеющаяся источниковая база, масса аналогий позволяют изучать одежду населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в рамках общей динамики развития костюмного комплекса кочевников Евразии второй половины I тыс. до н. э.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, предметный комплекс, одежда, аналогии, письменные источники.

N.N. Golowchenko

PROSPECTS OF SEARCH OF ANALOGIES TO THE COMPLEX SUBJECT OF CLOTHES OF THE POPULATION OF THE UPPER OB RIVER REGION OF THE EARLY IRON AGE IN THE WRITTEN SOURCES

The proposed article is devoted to the consideration of the prospects of attracting analogies to the subject complex of clothes of the population of the Upper Ob River region of the Early Iron Age from written sources of different origin. The author comes to the conclusion that from the costume of the nomads of the Eurasian steppes of the second half of the I Millennium BC a lot of archaeological evidence has survived, which brought to us its appearance, style, style and decor. Available sources, taking into account the regional specifics, can be extrapolated to all cultures of the so-called. «Scythian-Saka cultural area» and against this background, written sources are only a help, creating a General cultural context. The available source base, a lot of analogies allow us to study the clothes of the population of the Upper Ob River region of the Early Iron Age within the overall dynamics of the development of the costume complex of nomads of Eurasia of the second half of the I Millennium BC.

Key words: The Upper Ob River region, the Early Iron Age, competition clothes, analogy, written sources.

Изучение материальной культуры бесписьменных народов – перспективная тема археологических исследований. Среди археологических культур юга Западной Сибири одной из наиболее интересных является большеберченская культурно-историческая общность. Изучается данная общность прежде всего по материалам исследования погребальных и поселенческих памятников и полученного с них предметного комплекса. При этом необходимо учитывать, что часть изученных памятников разграблена в древности, в силу

определенных природно-климатических условий органика в них не сохраняется.

Из вышеизложенного очевидно, что источников по теме исследования объективно мало. Поэтому необходимо привлечение косвенных источников, в том числе и письменных, при всей их ущербности и слабом отношении к территории Верхнего Приобья. Их привлечение призвано задать некоторый общий искусствоведческий и культурный фон эпохи раннего железа, в котором могли бытовать и осмысляться предметный ком-

плекс и одежда населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э.

Данный пласт источников представляет собой в основном религиозные тексты, такие как Авеста [1, 2], Ригведы и Упанишады, или своего рода сборники мифов и легенд, как сведения Геродота и Страбона. Значительный интерес для изучения костюма кочевого населения восточной части евразийских степей представляют сведения китайских историков, к сожалению, они в основном не переведены на русский язык. Отдельные фрагменты из китайских хроник, отражающих быт кочевников, содержатся в работах Д.П. Шульги [3, с. 378–381].

В своей работе «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев одним из первых указал на наличие в мифах реального исторического пласта, который должен изучаться исследователем [4, с. 265–269]. Опираясь на его разработки, отечественные археологи предпринимали попытки найти соответствия между сведениями греческих и древнеиранских текстов и вещественными материалами археологических культур.

Одну из лучших таких попыток предпринял Д.С. Раевский [5], которому удалось поднять широчайший пласт античных письменных источников и сопоставить с их сведениями археологический материал по причерноморским скифам, в том числе и по костюму. Сквозь призму греческих источников рассматривались и сибирские материалы [6, с. 308–309].

Работа с древнеиранскими источниками более трудна, так как они попали в поле зрения отечественных археологов относительно недавно. Естественно, что относительно сибирских культур эпохи раннего железа говорить, что они были индоиранскими, нельзя. В то же время для интерпретации материалов порой необходимо создание определенного общекультурного фона, чему в немалой степени способствует работа Т.Я. Елизаренковой «Слова и вещи в Ригведе» [7].

В настоящее время широко тиражируется параллель между описанием костюма Ардвисуры Анахиты и ее шубы, сделанной из бобра в Авесте, и находками в пазырыкских курганах [8, с. 11–21]. Встречаются резцы бобра и в погребениях Верхнеобского региона [9]. Зачастую археологи прибегают к ссылкам на индоиранские источники при описании отдельных находок, например зеркала из Рогозихи-1 [10, с. 28–31]. При анализе костюма культур эпохи раннего железа Южной Сибири отсылки к индоиранским религиозным текстам встречаются также в работах А.И. Мартынова [11, с. 36–46] и П.И. Шульги [12]. Однако аналогий

можно выявить гораздо больше, на что справедливо указывал Б.А. Литвинский [13, с. 34–43].

В погребальных памятниках эпохи раннего железа на территории Верхнего Приобья не являются редкостью находки, происходящие из Индии, к их числу относятся бусы и зеркала (например, из Рогозихи-1 [10, с. 15–37]). Как известно, в ходе торгового взаимодействия между вовлеченными в него сторонами осуществляется обмен не только предметами материального обихода, но и идеями. Особенно ярко этот процесс проявляется при включении в него близких по облику культур.

Многим религиозным системам свойственна гиперболизация божественных образов путем присвоения им всевозможных эпитетов. Восхваления о «золотом», «сияющем», «светлом» и «чудном» облачении божеств можно встретить в каждом третьем гимне мандал I–VIII Ригведы. Однако подобные конструкции могут быть применены к интерпретации фактически любой одежды, культуры и народа.

Из данной посылки рождаются интерпретационные модели определения семантического значения погребальной одежды. Одежда рассматривается то как церемониальная/обрядовая, то как бутафорская, то как повседневная вещь [14, с. 689–711; 15, с. 649–669]. Появляются описания обшитой золотом одежды почивших вождей как некоего сакрализованного объекта.

В данном отношении уместно вспомнить сообщение Геродота о выставлении умершего «скифского царя» в погребальном костюме на показ всем «подданным» (Herodot., IV, 71) [16, с. 200]. Или сюжет попытки убийства Кира Великого в младенчестве: «Когда же ему (Гарпагу – Н.Г.) передали младенца (Кира – Н.Г.), уже обряженного в погребальную одежду...», и ниже «На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние» (Herodot., I, 109, 111) [16, с. 209–210].

Вероятно, обряд одевания в церемониальную/обрядовую/погребальную одежду являлся частью траурной церемонии, с одной стороны, с другой – его внешние атрибуты, такие как сам костюм покойника, должны были подчеркивать его статус и значимость «фарна» умершего [17, с. 135–140], потому его облачение украшалось золотом. С этой же целью похороны, скорее всего, обставлялись самым богатым образом, представляя собой некое общественно важное, возможно, театрализовано-сакральное действие [18, 19]. Рядовые кочевники, исходя из экономических возможностей своих семей, стремились подражать элите, сооружая курганы для умерших, но украшая их по-

гребальную одежду более бедно. Представителей менее обеспеченных слоев общества, возможно, хоронили в грунтовых погребениях, с изделиями, по форме аналогичными более богатым аналогам, но выполненными из менее качественного материала. При этом все материалы и изделия наверняка имели точную символическую позитивную или негативную интерпретацию [20].

Помимо ношения одежд, обшитых золотом, согласно сообщениям Ригведы, Рудра носит волосы, заплетенные в косичку (Rigveda. Mand. I, 114) [21; 22, с. 139]. Остатки кос отчасти сохранились в трех погребениях раннего железного века на территории Верхнего Приобья, в двух случаях в мужских захоронениях [10, с. 120; 23, с. 38–39], один – в женском [9, с. 59]. Косы были заплетены на голове знаменитой мумии пазырыкской культуры, обнаруженной в кургане Верх-Кальджин-2 [8], косичка с заколкой выявлена на памятнике Карбан-2, встречены они и на ряде мумий из памятников пустыни Такла-Макан [24]. Их же мы можем встретить на изображении из Айдашинской пещеры и в материалах Каменного Мыса-1 [25, с. 117–121; 26, с. 96–97; 27]. Косы встречаются на многочисленных изваяниях эпохи раннего железа от Причерноморья до Алтая [28, 29]. Основываясь на комплексном анализе всех источников, логично будет предположить, что косы выступали как типичная прическа. Вероятно, такое широкое распространение данной прически (со всевозможными вариациями) объясняется простотой ее создания.

Это лишь некоторые параллели между содержанием гимнов Ригведы и археологическими находками, происходящими с территории Верхнего Приобья, но источниковедческий потенциал данного письменного источника этим отнюдь не ограничивается. В отдельных гимнах мы можем найти упоминания о пряслицах и ножах, а также некоторых манипуляциях с одеждой [30, с. 30–38; 31, с. 100–106].

Внимание уделено роли одежды в повседневной жизни общества, в ткачестве и дарообмене [22, с. 111, 132, 171, 278]. При этом наблюдается следующая параллель, за ткачество отвечает солнечное божество Сурья, воплощающийся в образе барана, а из шерсти барана изготавливали одежду. При этом в Ригведе это подается следующей аллегорией, адресованной Сурье: «Соткан мой труд, и снова ткется все он же» (Rigveda. Mand. I, 110) [22, с. 132]. О том, что кочевые племена – противники римских войск в Азии, в частности в Каппадокии, не пользуются металлической броней, свидетельствуют трактаты Луция Флавия Арриана II в. н. э.

Последнее обстоятельство сыграло роль и при подразделении конников, так среди них выделяются контосы (сражающиеся с копьем) и гиппоксоты (сражающиеся с луком) [32, с. 150, 157, 178]. Кроме того, описывая тренировку римской конницы, Арриан отмечает, что перед ней воины облачаются в «киммерийский хитон», имеющий общие черты с одеждой алан и других кочевых народов [32, с. 167].

Правомерность использования данного типа источников обусловлена рядом находок индийского и приаральского происхождения в погребенных комплексах большереченской культурно-исторической общности, в этом отношении достаточно упомянуть о знаменитом зеркале из кургана Рогозиха-1 и импортных бусинах Ново-троицкого могильника [10, с. 28–31; 23]. Конечно, говорить о населении Верхнего Приобья эпохи раннего железа как об индоевропейцах однозначно нельзя, потому что, как отмечал Д.Г. Савинов [33, с. 155], население юга Западной Сибири было поликультурным [34, с. 94–102]. Наряду с индоиранским, возможно, привнесенным компонентом, бытовали и местные традиции.

Рассматривая аналогии предметному комплексу и одежде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, мы пришли к выводу, что от костюма кочевников степей Евразии второй половины I тыс. до н. э. сохранилась масса археологических свидетельств, донесших до нас его облик, стиль, фасон и декор. Он представлен изображениями и предметами торевтики, ювелирными изделиями, уникальными находками из пазырыкских курганов. Эти данные, с учетом региональной специфики, можно экстраполировать на все культуры так называемого «скифо-сакского культурного ареала», на этом фоне письменные источники являются лишь подспорьем, создающим некий общекультурный контекст. Неразрешенным остается вопрос о культовом статусе описанной одежды. Археологи имеют дело с похоронной одеждой, предметный комплекс которой определялся обстоятельствами смерти погребенного, его социальным положением, отношением к нему родственников, отдельными ситуативными моментами, укладываемыми в одну общую и одновременно размытую погребальную традицию (ведь, как известно, без вариаций обряд не существует). Поэтому и представление о погребальном костюме должно было быть общим лишь в самых основных чертах, таких, например, как деление его на три зоны или символизме отдельных элементов (заколов, серег, гривен и поясного набора). Набор символов и знаков, участвующих

щих в формировании ансамбля костюма зависел от конкретной ситуации [35, 36]. Вероятно, что умерших хоронили в одежде с поврежденными функциями. Например, в одежде с не полностью сшитыми выкройками, в пользу этого может свидетельствовать находка одной бусины у рукава, возможно, вся конструкция погребальной одежды могла сшиваться одной нитью, финальный узелок которой и венчала бусина; или при погребении расстегивали пояс. Чтобы убедиться в том, что погребальная одежда была абсолютно

не функциональна, достаточно посмотреть на костюмы так называемых «золотых людей» – фактически их невозможно носить, они только символизировали функции одежды, а не выполняли их, возможно, именно этого требовал обряд. Имеющаяся в нашем распоряжении источниковая база, масса аналогий позволяют изучать одежду населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в рамках общей динамики развития костюмного комплекса кочевников Евразии второй половины I тыс. до н. э.

Библиографический список

1. Авеста. Выбранные гимны; Из Видевдата / пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. – Москва : Дружба народов ; КРАМДС – Ахмед Ясови, 1992. – 207 с.
2. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат) / пер., исслед. и коммент. Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. – Санкт-Петербург : Изд-во Политех. ун-та, 2008. – 301 с.
3. Шульга, Д. П. Хозяйство кочевников раннего железного века северного Китая и проблема оленных камней / Д. П. Шульга // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2013. – № XIX. – С. 378–381.
4. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 2001. – 558 с.
5. Раевский, Д. С. Мир скифской культуры / Д. С. Раевский. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 600 с.
6. Чугунов, К. В. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве / К. В. Чугунов, Ш. Парцингер, А. Наглер. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 498 с.
7. Елизаренкова, Т. Я. Слова и вещи в Ригведе / Т. Я. Елизаренкова. – Москва : Восточная литература, 1999. – 240 с.
8. Полосьмак, Н. В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.) / Н. В. Полосьмак, Л. Л. Баркова. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.
9. Грязнов, М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка / М. П. Грязнов // МИА. – 1956. – № 48. – 163 с.
10. Уманский, А. П. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби / А. П. Уманский, А. Б. Шамшин, П. И. Шульга. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. – 204 с.
11. Мартынов, А. И. Об одежде людей тагарской культуры / А. И. Мартынов // Вопросы археологии Сибири : научные труды. – Новосибирск, 1972. – Вып. 38. – С. 36–46.
12. Шульга, П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а / П. И. Шульга. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2003. – 204 с.
13. Литвинский, Б. А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) / Б. А. Литвинский // СЭ. – 1982. – № 4. – С. 34–43.
14. Толеубаев, А. Т. Костюм шиликтинского «золотого человека» в контексте одежды сако-скифского мира / А. Т. Толеубаев // Мир Большого Алтая. – 2016. – 2 (4.1). – С. 689–711.
15. Толеубаев, А. Т. Костюм шиликтинского «золотого человека» в контексте одежды сако-скифского мира / А. Т. Толеубаев // Мир Большого Алтая. – 2016. – 2 (4.2). – С. 649–669.
16. Вся история Древней Греции : сборник переводов произведений древних авторов / Геродот (пер. Г. А. Стратановского), Фукидид (пер. Ф. Г. Мищенко), Ксенофонт (пер. Л. И. Горбачевского). – Москва : АСТ Астрель, 2009. – 1306 с.
17. Бородовский, А. П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога / А. П. Бородовский // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 135–140.
18. Погребова, М. Н. Ранние скифы и древний Восток: к истории становления скифской культуры / М. Н. Погребова, Д. С. Раевский. – Москва : Наука, 1992. – 260 с.
19. Раевский, Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. / Д. С. Раевский. – Москва : Наука, 1985. – 254 с.
20. Дашковский, П. К. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование / П. К. Дашковский, С. М. Каримова. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2012. – 252 с.
21. Ригведа. Мандалы I–IV / отв. ред. П. А. Гринцер. – Москва : Наука, 1999. – 767 с.
22. Ригведа. Мандалы IX–X / отв. ред. П. А. Гринцер. – Москва : Наука, 1999. – 562 с.
23. Шульга, П. И. Новотроицкий некрополь / П. И. Шульга, А. П. Уманский, В. А. Могильников. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. – 329 с.
24. Wang, Binghua. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture) / Wang Binghua, Victor H. Mair. – Xinjiang, 2001. – 245 p.

25. Бородовский, А. П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) / А. П. Бородовский // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 117–121.
26. Ковалев, А. А. Происхождение бронзовых обойм-«накосников» Западной Сибири и Южного Урала / А. А. Ковалев // Вторые Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. — Омск : ОмГУ, 1992. — Ч. II. — С. 96–97.
27. Молодин, В. И. Айдашинская пещера / В. И. Молодин, В. В. Бобров, В. Н. Равнушкин. — Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1980. — 208 с.
28. Кубарев, В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни) / В. Д. Кубарев. — Новосибирск : Наука, 1979. — 99 с.
29. Ольховский, В. С. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. / В. С. Ольховский, Г. Л. Евдокимов. — Москва : МТО МЕТЕО, 1994. — 184 с.
30. Головченко, Н. Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) / Н. Н. Головченко // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2015. — Т. 14, № 7. — С. 30–38.
31. Головченко, Н. Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа / Н. Н. Головченко // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 3 (41). — С. 100–106.
32. Перевалов, С. М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов / С. М. Перевалов. — Москва : Памятники исторической мысли, 2010. — 390 с.
33. Савинов, Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез / Д. Г. Савинов. — Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2002. — 202 с.
34. Бородовский, А. П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя / А. П. Бородовский // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2016. — № 3 (13). — С. 94–102.
35. Геннеп, А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп ; пер. с франц. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с.
36. Hodder, I. Reading the Past. Current Approaches to Interpretation in Archeology / I. Hodder. — Cambridge University Press, 2003. — 312 p.